

Глава 1

Лондон, 1814 год

С высоты балкона он смотрел на переполненный бальный зал. При мерцающем свете свечи, колеблемом ветром, казалось, что человек то выступает из небытия, то вновь возвращается обратно. Неровный свет отражался на его волосах цвета воронова крыла и выхватывал из темноты глаза цвета ртути, взгляд которых наводил на мысль о бессмертии Макиавелли.

Терпение. Все в порядке. Самое важное — это подготовка, а он занимался ею особенно тщательно. С циничной усмешкой лорд Люсьен Найт поднес к губам свой хрустальный бокал с бургундским, подержал его, вдыхая насыщенный аромат вина, а потом выпил. Он еще не знал лиц и имен своих врагов, но чувствовал, что они приближаются, словно стая шакалов. Его это не пугало — он готов. Он поставил ловушку и снабдил ее хорошей приманкой, пустив в ход распутство и соблазнительный флер опасной политической интриги, перед которым не устоит ни один шпион.

И теперь ему оставалось только наблюдать и ждать.

Весной этого года подошли к концу двадцать лет войны. Наполеон потерпел поражение, отрекся от престола и отправился в ссылку на остров Эльба,

расположенный в Средиземном море. Наступила осень, и главы европейских правительств собрались в Вене, чтобы подписать мирное соглашение; но любой здравомыслящий человек понимал, что, пока Бонапарта не перевезут в более безопасное место где-нибудь в Атлантике, войну нельзя считать законченной. Эльба — это всего лишь скала, оторванная от итальянского берега, но ведь есть и такие, кому мир не по душе, — те, кто в возвращении на французский престол короля Людовика XVIII Бурбона не видит для себя никакой выгоды, кто хотел бы вернуть Наполеона. Будучи одним из самых опытных тайных агентов английского правительства, Люсьен получил приказание от министра иностранных дел виконта Кэслри не терять бдительности, пока мир не будет ратифицирован.

Он сделал еще глоток, и его серебристые глаза грозно сверкнули. Пусть приходят. Он заманит их в ловушку и сокрушит, как сделал это со множеством других. Право же, он сумеет поставить их на колени.

Внезапно снизу, из бального зала, донеслись приветственные возгласы и толпа взволнованно загудела. Ну-ну, герой-победитель! Люсьен наклонился вперед и прислонился плечом к перилам балкона, наблюдая, как его брат-близнец, полковник лорд Деймиен Найт, входит в парадные комнаты. Он выглядел очень представительным в своей алой военной форме, держался сурово, с достоинством архангела Михаила, только что победившего дракона. Блеск его парадной шпаги и золотых эполет, казалось, создавал вокруг Деймиена сверкающий ореол. Всем известные суровость и неулыбчивость полковника не обескуражили рои очарованных им женщин, пылких адъютантов, младших офицеров и разного рода подхалимов, всегда готовых выказать свое преклонение перед героем. Все они мгновенно окружили его. Деймиен всегда был любимцем обитателей олимпа.

Люсьен покачал головой. При виде триумфа Деймиена он почувствовал мрачное удовлетворение, однако его улыбка и надменный взгляд скрывали боль, с недавнего времени поселившуюся в его душе. Деймиен, как старший из близнецов, вскоре станет графом в результате некоего выверта в их родословной. Однако Люсьен испытывал не досаду на превратности судьбы, а скорее недоумение от того, что его бросил самый верный союзник. Деймиен был единственным человеком, который действительно понимал его. Большую часть своей жизни близнецы Найт были неразлучны. Во времена их разгульной молодости, а сейчас им было по тридцати одному году, друзья прозвали их Люцифером и Демоном, и встревоженные матери девиц, начинавших выезжать, предостерегали дочерей от «этой пары дьяволов». Но те беспечные денечки давно остались позади.

Деймиен так и не принял никакого решения Люсьена оставить армию ради тайной службы в дипломатическом корпусе. Как правило, офицеры считали шпионаж делом недостойным. Для Деймиена и ему подобных шпион ничем не отличался от змеи. Деймиен был рожденным воином — всякий, кто хоть однажды видел его в бою, с лицом, испещренным черным порохом и кровью, переставал сомневаться в его предназначении. Но без постоянного потока информации, которую посылал ему Люсьен, причем посылал против предписаний, рискуя своей жизнью, потому что информация эта касалась вражеских позиций, сил, численности войск и наиболее вероятных планов атак, — без этой информации не было бы всех этих многочисленных побед. Конечно, гордость великого командира сильно уязвляло, что он не добился бы такой славы без помощи брата-шпиона.

«Ну и пусть, — цинично подумал Люсьен. — Все равно именно я знаю лучше кого бы то ни

было, как заставить этого титана вернуться с небес на землю».

— Люсьен! — внезапно окликнул его кто-то тихим шепотом.

Он повернулся и увидел в дверном проеме соблазнительный силуэт Кейро.

— О, дорогая леди Гленвуд, — промурлыкал он, с мрачной улыбкой протягивая ей руку. Вот уж разозлится Деймиен.

— Я везде вас искала! — Женщина бросилась к нему, шелестя черным атласом, и кукольные локоны, свисавшие по обеим сторонам ее лица, взметнулись вокруг намянутых щек. Она робко улыбнулась, открыв очаровательный маленький зазор между двумя передними зубами, взяла его за руку и позволила ему привлечь ее к себе. — Здесь Деймиен...

— Кто? — пробормотал Люсьен, скользя губами по ее губам.

Кейро тихонько застонала под его поцелуем и припала к нему, черный атлас ее платья чувственно скользнул по белой парче его вечернего жилета. Накануне ночью вот так скользила по его коже ее кожа.

Двадцатилетняя баронесса носила траур по своему покойному мужу, однако Люсьен сомневался, что она пролила хоть одну слезинку. Муж для такой женщины, как Кейро, — досадная помеха в погоне за удовольствиями. У ее черного платья был узкий лиф, в котором едва помещались пышные груди. Платье цвета полуночи делало ее кожу похожей на алебастр, а малиновые губы гармонировали с розами, украшавшими темно-каштановые волосы, уложенные в затейливую прическу. Спустя мгновение Кейро попыталась прервать поцелуй, упершись ему в грудь руками, затянутыми в перчатки.

6 Когда баронесса отодвинулась, он увидел, что она торжествует — щеки пылают, а глаза, похо-

жие на темный изюм, сверкают в предвкушении окончательной победы. Люсьен скрыл свою оскорбительную улыбку, а Кейро коварно опустила ресницы и погладила лацканы его черного вечернего фрака. Конечно, она считает, что совершила невозможное, то, что никогда не удавалось совершить ни одной из ее соперниц, — заманила в ловушку близнецов Найт, покорила их и теперь может играть ими обоими, теща свое тщеславие. Увы, эту леди ждет большой сюрприз!

Люсьен знал, что он человек дурной, но все же не устоял перед искушением и решил немного поиграть с ней. Не отрывая пристального взгляда от ее лица, он облизнул губы, потом со значением посмотрел на соседнюю стену, окутанную тенью.

— Никто нас здесь не увидит, дорогая. Вы не откажетесь?

У баронессы вырвался самодовольный смешок.

— Вы порочный дьявол, я дам вам больше — но потом. А теперь я хочу, чтобы мы пошли повидаться с Деймином.

Люсьен поднял бровь, продолжая игру с совершенным мастерством:

— Вместе?

— Да. Я не хочу, чтобы он решил, что у нас есть что скрывать, — она бросила на него хитрый взгляд из-под ресниц и пригладила его белый шейный платок, — мы должны вести себя естественно.

— Я попытаюсь, *ma chérie**, — сказал Люсьен.

— Прекрасно! Так пойдете же. — Она просунула руку в перчатке ему под локоть и потащила его к маленькой витой лестнице, которая вела вниз, в бальный зал. Люсьен шел с добродушным видом, и это должно было бы

* Моя дорогая (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

подсказать баронессе, что он что-то задумал. — Поклянитесь, что вы ему ничего не говорили!

— Mon ange*, я никогда не пророню ни слова. — Люсьен счел излишним уточнять, что взаимопонимание между полными близнецами таково, что им почти не требуется слов для обмена информацией. Взгляд, улыбка, манера поведения могут сказать очень многое. Противно было думать, что эта маленькая распутная интриганка, хотя и очень красивая, чуть не женила Деймиена на себе. К счастью для последнего, этот змей — его брат-шпион — снова пришел на помощь. Кейро не выдержала испытания.

Люсьен склонился к ее уху:

— Полагаю, вы не раздумали отправиться со мной в Ревелл-Корт в конце недели?

Она бросила на него беспокойный взгляд:

— По правде говоря, дорогой, я... я не уверена.

— Как? — Люсьен остановился и с сердитым видом повернулся к ней: — Отчего же нет? Я хочу, чтобы вы были там.

Она слегка раскрыла рот и посмотрела на него с таким видом, словно могла в ответ на его просьбу достичь высшей точки страсти не сходя с места.

— Люсьен...

— Кейро, — возразил он. Его настойчивость вдохновлялась не преданностью любовника, но тем простым соображением, что полезно иметь под рукой красивую женщину, когда пытаешься обнаружить вражеских шпионов.

— Вы не понимаете! — сказала она, надув губки. — Мне хочется поехать. Но я сегодня получила письмо от Гуди Два Башмака. Она пишет...

— От кого? — с удивлением переспросил Люсьен. Если память ему не изменяла, то Гуди Два Башмака — это дей-

ствующее лицо в классическом детском рассказе Оливера Голдсмита.

— От Элис, моей невестки, — пояснила баронесса, раздраженно отмахиваясь. — Возможно, мне придется поехать домой в Гленвуд-Парк. Она пишет, что мой ребенок, кажется, заболевает. Если я не приеду домой и не помогу ухаживать за Гарри, Элис снимет с меня голову. Хотя я совершенно не умею обращаться с малышами, — она фыркнула, — увидев меня, он поднимает крик, вот и все.

— Но ведь с ним нянька, не так ли? — недовольно поинтересовался Люсьен. Он знал, что у Кейро есть трехлетний сынишка от покойного мужа, хотя, как правило, она забывала об этом факте. Ребенок был одной из причин, почему Деймиен так хотел жениться на этой женщине. Кроме каких-то причудливых отцовских чувств к ребенку, которого он никогда не видел, Деймиен хотел получить жену, уже доказавшую свою способность родить сыновей. В конце концов, графу нужны наследники. К несчастью, Кейро оказалась женщиной нестоящей, поскольку она весьма быстро и от всего сердца поддалась на соблазны Люсьена. Получив такой удар по своей гордости, Деймиен, конечно, взовьется, но Люсьен никак не мог допустить, чтобы его брат женился на той, которая не любит его до самозабвения. Женщина, достойная Деймиена, не попала бы в шелковые сети Люсьена.

— Разумеется, нянька у него есть, но Элис пишет, что ему нужна... в общем, ему нужна я, — с неудовольствием заявила Кейро.

— Но мне вы тоже нужны, дорогуша. — И он просяще улыбнулся, подумав при этом, испытывала ли подобные угрызения совести его собственная покойная матушка. Что это было за создание — скандальная герцогиня Хоксклифф! Осталось не так уж много мужчин, обойденных ее вниманием. Да и отцом близне-

цов был вовсе не муж, а ее преданный многолетний любовник, могущественный и таинственный маркиз Карнартен. Маркиз недавно умер, оставив Люсьену львиную долю своего состояния и свою печально известную виллу Ревелл-Корт, расположенную в нескольких милях к юго-западу от Бата.

Глядя на Кейро, Люсьен понял, почему ему так не хотелось, чтобы Деймиен женился на этой женщине. Она мало чем отличалась от их матери. Резко отвернувшись, он зашагал по коридору, оставив Кейро там, где она стояла.

— Это не имеет значения, любезнейшая. Поезжайте домой к вашему отпрыску, — пробормотал он, — а я найду себе другую усладу.

— Но, Люсьен, я хочу поехать с вами! — возразила баронесса, поспешая за ним.

Он шел по коридору, глядя прямо перед собой.

— Вы нужны вашему мальчику, и вы это знаете.

— Нет, не нужна, — голос ее звучал так слабо, что Люсьен вопросительно посмотрел на нее, — он меня даже не знает. Он любит только Элис.

— Вы так думаете?

— Это правда. Я никуда не годная мать.

Люсьен покачал головой и досадливо вздохнул. Какое ему дело, если ей так нравится лгать самой себе?

— Так пойдемте же. Деймиен ждет. — И Люсьен решительно увлек баронессу навстречу ее судьбе.

Освещенный ярким светом шарообразных люстр, бальный зал походил на вполне цивилизованное место для тех, кто видел только внешнюю сторону вещей; но для Люсьена мраморный пол из черных и белых квадратов был огромной шахматной доской. Прикрываясь маской распушенной, любящей потакать своим желаниям личности, Люсьен внимательно разглядывал

10 толпу гостей. Все его чувства обострились, он

пытался отыскать какую-либо незначительную деталь, которая помогла бы ему сориентироваться. Ничто никогда не лежит на поверхности, вот почему он выпестовал в себе манию преследования и никому не доверял. По опыту он знал, что именно люди с самой заурядной внешностью и совершают подчас тяжелейшие преступления. Странные личности, как правило, безвредны; на самом деле Люсьен испытывал симпатию к тем, кто не желал соответствовать общепринятым меркам. Это предпочтение определилось после многочисленных знакомств с людьми дурной репутации, со странными существами, с изгоями, с разного рода сластолюбцами, с мятежниками, с растрепанными научными гениями из Королевского общества; и теперь причудливые эксцентрики всех сортов кивали ему, тайком выказывая свое уважение.

«Ах, моим приспешникам не терпится вернуться на праздник в Ревелл-Корт», — подумал он, чрезвычайно довольный. Люсьен подмигнул раскрашенной леди, которая приветствовала его из-за своего раскрытого веера.

— Ваше дьявольство, — шепнула она, бросив на него призывный взгляд.

Он склонил голову:

— *Bon soir, madame**. — Потом краешком глаза заметил, что Кейро, держа бокал с вином, смотрит на него с обожанием, слегка раскрыв губы. — Что такое, дорогая?

Она бросила взгляд на разодетых в бархат негодяев, кланяющихся ему, потом с лукавым видом посмотрела ему в глаза.

— Я представила, как стала бы обходиться с вами мисс Гуди Два Башмака. Мне это показалось забавным. Интересно было бы посмотреть, как вы ее совращаете.

* Добрый вечер, сударыня (*фр.*).

— Приведите ее как-нибудь, а я уж постараюсь.

Баронесса усмехнулась:

— Она, пожалуй, упадет в обморок от одного вашего взгляда, эта маленькая ханжа.

— Молодая?

— Не очень, ей двадцать один год. — Кейро помолчала. — На самом деле я сильно сомневаюсь, что даже вам удастся проникнуть в ее башню из слоновой кости, если вы понимаете, о чем я говорю.

Люсьен нахмурился:

— Объясните, пожалуйста.

Кейро пожала плечами, и насмешливая улыбка изогнула ее губы.

— Не знаю, Люсьен, это будет нелегко. Элис настолько же хорошая, насколько вы — плохой.

Он поднял бровь и так застыл на мгновение, потом снова заговорил, потому что в нем проснулось любопытство.

— Она действительно образец всех добродетелей?

— Ах, меня просто тошнит от нее, — тихонько ответила Кейро, кивая налево и направо, пока они пробирались сквозь толпу. — Она не любит сплетни. Она никогда не лжет. Она не смеется, если я делаю остроумное замечание по поводу смешного платья какой-либо женщины. Она не подвержена тщеславию. Она даже никогда не пропускает службу в церкви!

— Боже мой! Примите мои соболезнования по поводу того, что вам приходится жить рядом с таким чудовищем. Как, вы сказали, ее зовут? — кротко поинтересовался Люсьен.

— Элис.

— Монтегю?

— Да, это младшая сестра моего бедного Гленвуда.

— Элис Монтегю, — задумчиво повторил Люсьен. «Дочь барона, — подумал он. — Добродетельна. Не замужем. Хорошо относится к племяннику. Ка-

жется, превосходная кандидатка в невесты Деймиену». — Она красива?

— Терпима, — равнодушно ответила Кейро, избегая его взгляда.

— Хм... — Он испытующе посмотрел на баронессу, и глаза его лукаво сощурились при виде ревности, отразившейся на ее красивом лице. — До какой степени терпима?

Она бросила на него уничтожающий взгляд и промолчала.

— Ну же, отвечайте!

— Оставьте ее!

— Мне просто любопытно. Какого цвета у нее глаза?

Баронесса демонстративно кивнула какой-то даме в тюрбане с перьями.

— Ах, Кейро, — игриво прошептал Люсьен, — неужели вы ревнуете к свежести двадцати одного года?

— Не говорите вздор!

— Тогда в чем же дело? — не унимался он, подзадоривая ее. — Скажите, какого цвета глаза у Элис?

— Синие, — выпалила она, — но они тусклые!

— А волосы?

— Белокурые. Рыжие. Не знаю. К чему все это?

— Ну, будьте же любезны!

— Вы настоящий бич Божий! Если уж вам так нужно знать, то волосы Элис — это предмет ее гордости. Они достают до талии, и вы, вероятно, назвали бы их белокурыми, — брюзгливо сказала баронесса. — Но в них всегда полно крошек от всяких там булочек, которые ребенок ест на завтрак. Ужасно противно! Я сто раз говорила ей, что длинные, ниспадающие, как у Рапунцель, волосы — помните, она спускала их с башни вместо веревочной лестницы? — совершенно немодны сейчас. Но она пропускает мои слова мимо ушей. Ей так нравится.

Теперь вы удовлетворены?

— Звучит восхитительно, — прошептал Люсьен ей на ухо. — Можно я возьму ее в Ревелл-Корт вместо вас?

Кейро отпрянула и ударила его своим черным кружевным веером.

Люсьен все еще смеялся над ее гневом, когда они натолкнулись на группу военных в красных мундирах.

— Ах, взгляните, леди Гленвуд, — с легкой иронией проговорил он, — вот и мой дорогой брат. Привет, Демон! Я привел кое-кого посмотреть на тебя. — Сунув руки в карманы своих черных панталон, Люсьен медленно покачивался с носка на пятку, и циничная улыбка играла на его губах. Он ждал начала представления.

Офицеры, приятели Деймиена, пренебрежительно посмотрели на Люсьена, простились со своим полковником и демонстративно отошли. «Дабы не запятнать свою честь заразой», — ехидно подумал Люсьен. Лицо Деймиена посуровело в сражениях, однако он не утратил любезности светского льва, поэтому, оторвавшись от широкой колонны, которую он до этого подпирал, полковник чопорно поклонился Кейро.

— Леди Гленвуд, весьма рад снова встретиться с вами, — пророкотал он.

«Деймиен держится так серьезно, словно не со своей избранницей здоровается, а объясняет план сражения своим капитанам», — подумал Люсьен. Действительно, после того как Деймиен, приняв участие почти во всех главных военных кампаниях, вернулся домой, оказалось, что взгляд его стал безразличным, ледяным, и это очень тревожило Люсьена, но здесь он ничем не мог помочь, поскольку брат почти с ним не разговаривал.

— Надеюсь, миледи, вы нашли сегодня вечером развлечения себе по душе, — заметил Деймиен.

Кейро улыбнулась ему улыбкой, в которой были странно смешаны терпение и вожделение, а Люсьен подавил желание закатить глаза при виде натя-

нутой официальности брата. Деймиен может отрубить голову врагу одним ударом палаша, но подведите его к красивой женщине, и матерый полковник становится таким же робким и неуверенным, как школьник-переросток. Великосветские дамы — это нечто вроде облитых сахаром сладостей, и он, кажется, опасается, что они сломаются, если он к ним прикоснется. Военному герою легче со смелыми девицами, которые промышляют по ночам в Сент-Джеймском парке.

Люсьен забавлялся, наблюдая, как Деймиен мучительно ищет тему для разговора.

— Как Гарри? — внезапно поинтересовался он.

Люсьен на мгновение закрыл глаза и раздраженно ущипнул себя за кончик носа. До чего же его брат несообразителен в обращении с противоположным полом! Просто невозможно явственнее показать, что ему нужна высокородная племенная кобыла! Ни тебе красивых комплиментов, ни приглашения на танец. Удивительно, что женщины вообще соглашаются иметь дело с таким грубияном.

Даже Кейро смутилась — для нее признать, что она произвела на свет ребенка, означало, что первое цветение молодости миновало. И она не упомянула о болезни мальчика, а поспешно перевела разговор в другое русло. Глядя на них, Люсьен убедился, что брату нелегко удастся изображать внимание к пустой болтовне Кейро.

— Как чудовищно скучен этот малый сезон, вам не кажется? Сливки общества разъехались по поместьям ради осенней охоты либо в Париж и Вену...

Мгновенно заскучав, Люсьен обвил рукой талию Кейро и притянул ее к себе.

— Что ты думаешь об этой красивой девочке, а, Деймиен?

Взвизгнув, она упала ему на грудь:

— Люсьен!